

**КИРИЛЛ
КАЗАНЦЕВ**

***Твоя очередь
умереть***

**ЭКСМО
Москва
2013**

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 14

Казанцев К.

К 14 Твоя очередь умереть / Кирилл Казанцев. —
М. : Эксмо, 2013. — 352 с. — (Любовь в законе).

ISBN 978-5-699-68251-5

Максим Каверин, отсидевший на зоне по сфабрикованному делу о двойном убийстве, выходит на волю и возвращается в родной приморский город. Там он узнает, кто на самом деле совершил двойное убийство и подставил его. Это оказались продажные чиновники из администрации города. Максим намерен отомстить негодяям. Уподобляясь пирату, он вместе с верными друзьями выходит в открытое море, где начинает брать на бордаж роскошные яхты своих обидчиков. Так к нему в заложницы попадает девушка Рита, племянница местного олигарха, которая, узнав о драматической судьбе Максима, объявляет о своем желании присоединиться к «пиратам»...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Казанцев К., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-68251-5

«Жить надо так, чтобы тебя
надолго запомнили. Особенно
всякая сволочь».

Ф. Раневская

Часть первая

Пунктирный луч прорезал небо, обернулся огненным шаром и с треском разлетелся на куски. Распустились еще два бутона, хлопнули — и разразилась вакханалия! Залпы следовали без остановок, расцветивая темнеющее небо. Трещало, хлопало, шипело! Мужчина раздраженно поморщился, за скрипело старенькое кресло. Он поднялся, бросив на тумбочку томик с повестями Пристли, подошел к окну. Неряшливый, сутулый, в домашней майке, очках на носу с горбинкой, напоминающей бородавку. Он перетащил очки на лоб, зацепив клоч шевелюры, всмотрелся в сумерки. Время детское — половина девятого, просто на юге темнеет рано. Салютовали за холмом, на краю Антоновской слободки — местного «района для богатых». Небо озарялось, словно на землю проливался метеорит-

Кирилл Казанцев. Твоя очередь умереть

ный дождь. Масштабность зрелища впечатляла. Никаких официальных торжеств в черноморской Фиолении в этот день не проводилось. Просто приспичило кому-то из толстосумов...

Мужчина раздраженно задернул шторку. В малоэтажном районе, где он обитал, выбрасывать деньги в небо было не принято. Салют оборвался, и в дверь постучали. Мужчина вздрогнул.

Входная дверь находилась в двух шагах от кресла. За порогом колыхалась неясная тень — мужчина, рослый, со спортивным разворотом плеч. Отнюдь не женщина, которую он ожидал позднее. Посетитель помалкивал, его лицо скрывалось в полумраке. Хозяин скромного жилища в двухквартирном домике почувствовал сухость в горле.

— Э-э-м... — начал он, но посетитель перебил:

— Привет, Гришаня... — произнес он утробным голосом, и мужчина похолодел.

«Привет, Доцент», — чуть не вырвалось из пересохшего горла. Он натянул очки обратно на глаза, всмотрелся в полумрак.

— Ну все, нарисовалась полярная лисичка... — обреченно вымолвил он.

Посетитель шевельнулся, хозяин попятился, поволок за собой потрепанный коврик. Незнакомец шагнул через порог, обозрел без претензий де-

Любовь в законе

корированную обстановку: старенький кухонный гарнитур, кресло, письменный стол с немолодым компьютером, потрепанную книгу на тумбочке. Хозяин мялся, не зная, куда пристроить руки. Он потрясенно разглядывал мужчину, которому в школе давал списывать, а однажды чуть не подрался с ним из-за девчонки, которая явно того не стоила. Посетитель был еще молод, одет невзрачно. Ни капли жира, бесцветная кожа обтягивала острые скулы. Поблескивали голубые глаза — в полумраке они приобретали цвет «сухого асфальта». На плече висела полупустая сумка.

— Ну, здравствуй еще раз, Гришаня, — с расстановкой произнес гость. — Квельый ты какой-то, не рад, похоже... Приютишь на пару месяцев беглого зэка — ведь мы с тобой кореша по жизни, нет? Что-то ты к полу прилип, Гришаня. Точно не рад. Ну, давай, мечи на стол — имеется в этом доме чего на клюв бросить? Посидим, за жизнь нашу скорбную вспомним. Водочку доставай — плеснем под жабры птичьей водички.

— Так это... — растерялся Гришаня. — Нет у меня водочки — только винишко дешевое в холодильнике... Черт, подожди... — Он нервно задергался, засуетился. — Я через дорогу сбегая, там всегда есть...

Кирилл Казанцев. Твоя очередь умереть

— Ладно, расслабься, Фаткин. — Посетитель сменил тон, и глаза его лукаво заблестели. — Не будем становиться заложниками стереотипов. Зэки пьют не только водку. Слушай, Фаткин, — он засмеялся, — ты больше в церковь не ходи, ладно? Затеряешься среди икон. Посмотри на свой страдальческий лик. Шучу я, шуток не понимаешь? На понт беру. — Он шагнул к старинному приятелю, обнял его. Свалилось напряжение, Фаткин с шумом выпустил воздух.

— Максим, так и до кондрашки недолго... Слушай, — он опять забеспокоился, — а чего ты про побег-то говорил? Реально из зоны лыжи двинул? Тебе еще сидеть года четыре — проще дотерпеть...

— Шучу я, говорю же, — отмахнулся Максим. — Отпустили — по УДО за примерное поведение. Могу справку показать.

— Не нужна мне твоя справка. — Фаткин залился стыдливым румянцем. — Я же не мент — в твои справки вчитываться...

— И не отниму я два месяца твоей жизни, — успокоил Максим. — Посажу немного и пойду своей дорогой. Не смотри так, дружище, — я все тот же, блатным не стал, по понятиям не живу. Хотя скрывать не буду — наложила зона отпечаток. Одиннадцать лет «полосатого режима» — не шутка... Но это не освобождает тебя от ответствен-

Любовь в законе

ности всё, что есть, нести на стол, — погрозил он пальцем, — и посидеть со старинным приятелем, который реально по всем вам соскучился. Держи. — Он вытащил из сумки бутылку дешевого кубанского вина. — Не большой я охотник до водочки, давай так, символично.

— Ну, слава богу, это ты... — успокоился Фаткин. Он стащил очки — стекла запотели от волнения, протер их застиранной майкой. — Проходи, садись, сейчас сообразим. Но сразу предупреждаю — разносолов в этом доме не держат. «Все, что есть» — это овощные и бобовые культуры, сок из свежих... сухофруктов, гм.

— То есть деньги для тебя ничто, — улыбнулся Максим.

— Ничто, — согласился Фаткин. — Особенно в том количестве, что у меня есть. Девиз придумал: денег не было, денег нет, денег не будет никогда. Я по-прежнему, — он удрученно развел руками, — мальчик из малобюджетной еврейской семьи. Урод, так сказать, в дружной семье своего народа. Временами сомневаюсь — может, я не еврей? Может, меня обманули?

— А кто? — удивился Максим.

— Ну, не знаю... Может, скрытый араб? У мамы не спросишь, у папы — тем более... Ты присаживайся.

Кирилл Казанцев. Твоя очередь умереть

вайся, не маячь, сейчас соображу. Рассказывай, где сидел?

— В Сибири, — удивился Максим.

— Сибирь — понятие растяжимое...

Максим невесело рассмеялся:

— Ты даже не представляешь, какое растяжимое. Есть страна такая — Якмундия. Для непосвященных — Якутия. Там имеется речка с красивым названием Лена. Если двинуть от Лены на восток по 65-й параллели, желательнее вертолетом — немного, всего каких-то пару тысяч верст...

Они сидели за ободранным столом, Максим жевал какой-то силос, запивал подслащенной водичкой с незначительными градусами. Он тихо повествовал о бесцельно прожитых годах — как приехал «к дяде на поруки», как учился выживать. Фаткин подливал, кивал, слушал. Оба сильно изменились. Максим отвердел, раздался в плечах. Запали глаза, в коротких русых волосах поблескивали капельки седины. Бывший «ботаник» Фаткин (способный, впрочем, на шальные поступки и не всегда ладящий с головой) превращался во что-то незаметное, никому не нужное. Жизнь согнула, потухли глаза, по лицу блуждала виноватая улыбочка. Впрочем, чувство самоиронии он не утратил.

Любовь в законе

— Вот так и процветаем, Максим. Ничего не меняется, юношеская дурь переходит в старческий маразм. Не смотри на эту мебель, финансовый кризис, так сказать... — Он зарумянился и пошутил: — Решил закрыть все свои счета на Кипре... Знаю, ты рассчитывал увидеть другое...

— Не грузись, — поморщился Максим. — Не ты один. Бобылем живешь?

— Развелся, — вздохнул Фаткин. — В 2009-м от Рождества Христова. Бывшая жена меня прокляла — так и заявила после визита к местной черной колдунье. Кучу денег извела, чтобы сделать мне гадость. Может, и впрямь прокляла? — Фаткин задумчиво покарябал горбатый «рубильник». — Судя по тому, как процветают мои дела...

— Район не самый благополучный, — согласился Максим. — Страшновато тут ходить. Овраги, свалки...

— Рай для нищих и шутов, — кивнул Фаткин. — Жена оттяпала хороший дом на улице Пескарева и половину дела. Бизнес загнул за полгода, приехали крутые ребята, даже деньги из оборота не дали вытащить... Работаю сторожем в супермаркете на Обручальной, две ночи сплю дома, третью — на работе. Это скучно, Максим. С перспективой полный ноль.

Кирилл Казанцев. Твоя очередь умереть

— Женщины?

— Да ходит тут одна... Копия предыдущей, только годом выпуска посвежее. — Фаткин оскандился, продемонстрировав на удивление здоровые зубы. — С бабами проблем нет, Максим. Это у них проблемы с бабами, — он кивнул на стенку. — У соседей. Два сорокалетних лба, атипичная сексуальная ориентация. Наградил же бог соседями... В спальне перегородка тонкая, только лягу, так эти двое начинают любить друг дружку, приходится тазик под кровать ставить, чтобы к унитазу не бегать... А Екатерине нравится — заводит это ее. В гости напросилась, познакомилась, тортик им испекла — да чтоб мою еврейскую маму... — Максим плеснул в стакан, и Фаткин залпом выпил.

— Что в городе?

— Безрадостно, Максим... Ну, как, безрадостно, — смутился Григорий. — Фиоленсия цветет и пахнет — особенно в разгар курортного сезона. Отдыхающих — прорва. Пока тебя не было, отели выросли, пляжи — по всему побережью. Сочи теперь большая стройка, вот народ и валит в Фиоленсию — не протолкнуться в высокий сезон. Побережье засижено километров на шесть — мышшь не проскочит. В курортных зонах красота и порядок, Европа отдыхает. Богатеи едут в Фиоленсию

Любовь в законе

косяками — одни на отдых, другие недвижимость тут покупают. В городе несколько яхт-клубов, ты бы видел, на каких красавицах плавают толстосумы... В центре нарядные улицы, новые дома. А на окраинах без перемен — глушь, дороги не ремонтируют, безработица ужасная. Промышленности практически не осталось, население — а это без малого сорок тысяч — призвано обслуживать богатеньких отдыхающих. Прислуга, охрана, водители, уборщики... Конкуренция жуткая, народ согласен пахать за копейки. Вот скажи, такое возможно в любом северном городе? Власти жируют, ничего не боятся. Полиция — ручная, прокуратура — своя, волосатые лапы в Краснодаре, в Белокаменной. Бешеные бабки отмываются и пропадают! Мэр Колыванов ворует, не стеснясь, как и вся его рать. Полиция крышует подпольные казино, публичные дома, любой бизнес — если сможешь заплатить. Самые надежные крыши теперь — у них. Никакой анархии, все под контролем... Слушай, — смутился Фаткин, — я в курсе, что твои родители умерли... Мы с пацанами раз в полгода их могилки навещаем, чистим, поминаем. Родаки у тебя мировые были...

— Спасибо, — кивнул Максим. — Вчера вернулся в город — первым делом на погост. Потом домой побрел, а там... — Скулы Максима побелели.

